

Натиг Расулзаде

Хрен знает то!

Натиг Расулзаде Хрен знает что!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4998577*

Аннотация

Произведение состоит из коротких новелл-зарисовок о нашей жизни, о наших буднях, о наших стремлениях и надеждах. Смешные, печальные, грустные, веселые, ироничные, подчас – страшные, они, эти зарисовки на любой вкус и для любого читателя.

Содержание

Наверное	5
Вывернулся	8
Временные трудности	11
Быт	13
Снег, вечер...	15
Политика	17
Начальство	18
Обещание	19
Комплимент	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Натиг Расулзаде

Хрен знает что!

Берете хрен, мелко нарежете, заливаете кипятком. Если он знает – не выдержит, скажет...

Наверное

Я старею. Я ощущаю это телом, каждой клеточкой. Неостановимый процесс. Но не душой, не душой, нет.

Доктора все больше вторгаются в мою жизнь, из реальности переходят в сны, как неприятные гости из вашей гостиной вдруг переходят в спальню (что им там надо?...), занимают места в моих мыслях, рассаживаются удобно и надолго, будто в театре, предвкушая интересный спектакль, проникают в грезы, даже в грезы. Они собираются вместе: дантисты, педиатры, офтальмологи, урологи, кардиологи и говорят, говорят, спорят, опровергают друг друга, соглашаются друг с другом, перебивают, не слушают, повышают голос, кричат, словно стая собак на деревенской улице, услышавшая далекий выстрел. Наверное, я застрелился. Но не точно. Доктора убедили меня, что ничего точного на свете нет.

– Доктор, а операция необходима?

– Наверное...

– А я потом смогу видеть?

– Наверное...

– А бегать?

– Наверное...

– А сношаться?

– Навер...

– А умру?

– Наве...

– А жить буду?

– На...

Ладно, заткнись. Я стараюсь изгонять их из своей жизни, стараюсь не ходить к ним, не обращаться как можно дольше, как можно никогда. А они просачиваются в мои сны, один за другим процеживаются сквозь неплотно прикрытую дверь реальности. И я вижу их, когда сплю, вижу, хотя видеть не могу.

– Доктор, что вы тут делаете?

– Я хочу сказать вам волшебное, тихое слово.

– Какое?

– Тихое, вкрадчивое слово, обволакивающее слово...

– Какое?!

– Наверное.

– Ладно, я хочу спать. Это все-таки мой сон, уходите. Ну?

Вы уйдете?

– Наверное.

– А можно мне принять сразу горсть этих снотворных?

– Наверное.

– А выпить водки?

– Наверно...

– А нюхнуть кокаинчика?

Наверное, я старею. Я ощущаю неостановимый процесс, когда жизнь твою, хочешь ты этого или нет, заполняют чужие. И я стараюсь не смиряться, стараюсь изгонять их из сво-

ей жизни, из своих снов. Получится? Хрен его знает...

Вывернулся

В тридцатые годы прошлого века (как странно мне говорить и писать эти слова относительно XX века, мне, человеку большую часть жизни называвшему прошлым веком век 19) ну так вот, в тридцатые годы прошлого 20 века в нашем городе завелся некий «писатель», давно и заслуженно утративший имя. Никто его не помнит сейчас. Но проделки его некоторые помнят до сих пор. Этому горе-писателю каким-то образом удалось в то время просочиться в Союз пролетарских писателей, хотя в то время это было не так уж трудно: не только пишущих, но даже грамотных было мало, а численность Союза писателей исчислялась не сотнями и даже тысячами как сейчас, а всего лишь десятками, среди которых, конечно же были и корифеи, выдающиеся поэты, прозаики, драматурги, но были и серенькие, незаметные личности, не оправдавшие надежд литературы. Так вот, один из неоправдавших, завладев вожделенным членским билетом Союза писателей, в те голодные годы повадился разъезжать по районам республики с целью прокормиться. Он с важным видом (галстук, толстый портфель под мышкой) представлялся председателю колхоза, как писатель, прибывший из Баку, предъявлял членскую книжку (тогда были падки на всякого рода документы) и был почетно принимаем и угощаем чем Бог послал. А Бог в то

голодное время посылал немного. Но все равно в сельской местности прокормиться было гораздо легче, чем в городах. Земля-матушка кормила. Порой в честь писателя, если было не очень горячее и авральное время в колхозе, председатели устраивали нечто похожее на банкет. Собантуй. Покормив писателя, потом уже не знали, что с ним делать. Иногда давали с собой. На дорожку. Продукты, продукты. А вы что подумали? Но сидеть и молча есть нашему герою было, естественно, неловко. Все от него ждали писательского слова. И он говорил. Говорил тосты. Приводил цитаты из Ленина, очень модного в то время Владимира Ильича, сумевшего перевернуть вверх дном огромную страну и точившего зубы на весь мир. Цитаты эти он щедро оснащал отсебятиной, порой только отсебятину и выдавал за цитаты малоизвестного Владимира Ильича. Писателя за столом слушали внимательно, кивали уважительно, подбирали ноги под столом. А наш герой (кстати, это я его называю герой, ничего героического в облике его не было, но был пожилым, солидным человеком. Портфель и галстук, не забыли?) итак, наш резвый парнишка, наевшись картошки и повеселев, сыпал цитатами из классика марксизма-ленинизма, сыпал, как бог на душу положит, так что Ленин переворачивался в мавзолее с боку на бок. Но неопытные труженики сельского хозяйства, многие из которых впервые видели живого писателя, слушали его затаив дыхание и открыв рот. К тому же и удостоверение в кармане. Удостоверяющее, что он писатель, а не хурды-мур-

ды. Так что слушали с открытыми ртами, в глубине которых угадывался непрожеванный картофель.

В очередной раз и в очередном месте, когда наш писатель разливался соловьем (тут его кажется к тому же угостили в полном смысле слова сногшибательной тутовкой) и говорил из Ленина в пылу азарта он брякнул следующее:

– А еще, – подняв назидательно палец и мутным взглядом окидывая двоящихся тружеников, проговорил он. – Как говорил Ленин – пейте, но знайте меру. Вот так вот!

Сказав это он опрокинул в горло очередную стопку огненной воды имени Иосифа Виссарионовича. Но тут на его беду выискался за столом некий умник, то ли учитель, то ли библиотекарь, то ли просто добровольный книгочей, аккуратно прослушавший всю ахинею и околесицу приезжего писателя из Баку и совершенно ошарашенный последней фразой-цитатой из великого трезвенника, которому в рекордно короткие сроки удалось обкакать огромную страну.

– Позвольте, позвольте, – произнес умник, поднимаясь из-за стола на неверных ногах. – Я читал труды Ленина Владимира Ильича. Он – наш отец. В каком томе он сказал – пейте, но знайте меру? А?

Все головы повернулись к писателю в надежде, что он назовет источник.

И тот не растерялся и помахав руками громко произнес:
– Э, дорогой, какой-такой том. Он не в томе говорил – э! Он за столом говорил, когда пил со Сталиным!

Временные трудности

Нашу улицу в центре города в третий раз за короткий промежуток покрывают асфальтом. Перерыли тротуары так, будто искали клад. Перерыли. Перелопатили, покрывали. Когда выходишь со двора на улицу тут же становишься по ноздри в пыли. Без очистительных масок выходить не рекомендуется. Поток машин пустили по параллельной улице с другой стороны нашего дома. Естественно, стали образовываться огромные пробки. Гудки, крики, ругань, шум, бесполезные сигналы на улице делали наших граждан и без того издерганных, крайне нервными. Прибавьте к этому – адская жара. Ну с жарой чиновники мерии переборщили. Могло бы быть попрохладнее. Впрочем, я жару люблю. О населении беспокоюсь. Но все когда-нибудь кончается. Закончилось и маловразумительное асфальтовое покрытие. Сразу на улице резко уменьшилось количество машин. Стало потише, полегче, попрохладней, паскудства стало поменьше. В связи с этим я вспомнил старый еврейский анекдот. Приходит старый еврей к раввину и жалуется на стесненные условия жизни в своем доме. Раввин, выслушав его, советует перевести из стойла в дом и животных. Старик в недоумении. Но исполняет совет. Через некоторое время раввин велит ему убрать из дома животных. Еврей сразу чувствует какой просторный стал у него дом. Благодарит раввина. Вот я и подумал.

мал – неплохо же живем, чего зря жаловаться!?

Быт

Быт меня съедает. Я вижу воочию, как нечто громоздкое, мохнатое, мощное, похожее на быка с лапами-лопатами, снабженными грубыми пальцами, аккуратно занавесив мохнатую грудь грязной салфеткой, с педантичной и в то же время клоунской важностью разрезает меня на куски, и кусок за куском торжественно отправляет в зубастый рот. Меня все меньше остается на блюде. Отрезанные мои руки сжимаются в кулаки, чтобы драться, отрезанная правая нога хочет убежать, левая – что-то написать, может, завещание? Завещаю, мол, свои несбывшиеся мечты и надежды, а также оставшиеся идеи и мысли. Отрезанная голова спешит что-то произвести онемевшими, окровавленными губами, еле ворочающимся языком. Что ты хочешь сказать, голова?

Быт заедает меня, заедает с головой, и готовится запить ключевой водой, чтобы я побыстрее растворился у него в желудке. А голова с выпученными глазами по-прежнему шевелит губами, открывает и закрывает рот, как рыба, выброшенная на жаркий прибрежный песок. Ну, что тебе? Что ты хочешь? Быт уже заел тебя, от тебя почти ничего не осталось, и перед глазами у тебя хоровод мошенников, которых ты считал друзьями и товарищами, медленно танцующих вокруг тебя, медленно убивающих человека, цепь пустых обещаний, опоясавших, сковавших по рукам и ногам... Быт из-

давно вторгался в мою жизнь, как острые уколы ножа, и вот, в конце концов, что от меня осталось. Что ты хочешь сказать, голова на блюде? А?.. Хрипит... Ну, соберись и скажи мне на ухо, если это так важно. Что?

– Свободе-е-ен... – слышится хрип из окровавленного рта.

С ума сошла! Она сошла с ума, эта голова. Она и на шее не очень-то себя разумно вела, но теперь окончательно свихнулась. А может, и нет. Хрен его знает...

Снег, вечер...

По-настоящему, чтобы дух замирал и сердце обливалось горячей волной радости, это было давно. А теперь только случается в слабой форме время от времени.

Я шел зимой в сумерки по московской улице. Снег падал, приближался Новый год, а улица носила название писателя Герцена, и я никогда не мог понять, зачем он вообще стал писателем.

Я быстро шел по улице, а хотел идти неторопливо. И много чего тогда я делал вопреки своим желанием. И продолжаю сейчас. Мимо меня по тротуару проскакивали... Неважно теперь. Многое проскочило в жизни мимо меня. Я всегда куда-то спешил. Нельзя останавливаться, – говорил я себе, – они тебя догонят, беги... И бежал так, что даже торопыги-москвичи удивленно оглядывались на меня, невольно ища глазами того, кто бы меня преследовал. Была масса свободного времени, но я шагал торопливо, будто уже опоздал. Примерно через час у меня свидание, мы пойдем с ней в кино у Никитских ворот, в кинотеатр повторного фильма смотреть старый прекрасный фильм, уже не помню какой, но помню – старый... Потому что молодость настороженно относится к новому, ей все кажется, что жизнь уже позади и следует наслаждаться известным, старым, апробированным и занявшим неоспоримое, крепкое место в этой прошедшей

жизни. Не люблю изрекать истины. Тем более – сомнительные. Но ничего не поделаешь – уже изрек.

Пожилая женщина белой краской рисовала снег с внутренней стороны витрины кафе. Заяц и подозрительный Дед Мороз, похожий на переодетого вора с мешком награбленного добра за плечами, уже были готовы и жаждали снега, а снег только появлялся на стекле витрины в виде пампушек. Я стоял и смотрел на эту женщину, пронзенный вдруг каким-то неясным чувством, и, видимо, своим ротодейством раздражал ее, потому что движения ее сделались заметно резкими, нервными и пампушки из-под ее неумелой кисти стали выходить более похожими на снежинки. Маленькая женщина в витрине заштатного кафе-забегаловки, жалкая рисовальщица снега... Почему я остановился? Я поспешил дальше, думая о том, что скоро встречу со своей девушкой, мы будем сидеть в теплом кинозале, а потом поедем ко мне. Впереди была сумрачная жизнь, как теперь выяснилось...

Политика

Ненавижу политику. Мне кажется, нет ничего более далекого от моей профессии писателя, призванной раскрывать и показывать внутренний мир человека, его неповторимую душу, чем политика, которой глубоко начхать на внутренний мир и душу и которая опирается на хитрость, ложь и лицемерие. Политикам важна масса, а не индивидуальность. Но есть, конечно, писатели-политики, они считают...

Впрочем, хрен знает что!

Начальство

Есть маленькие людишки большого размера. Им нравится с высоты своего роста смотреть на других, в такие минуты они испытывают наслаждение от мысли, что нравственный их рост равен физическому. Глубокое заблуждение, вашу мать. Они руководят чем-то таким, незамысловатым, у них в подчинении семь или восемь человек, на которых они порой грозно посматривают, а порой улыбаются им расслабленной улыбкой, играя в демократию на вверенном им маленьком участке, как правило, оторванном от реальной жизни. Они с важным видом восседают за своим рабочим столом и вякают что-то такое глубокомысленное со скоростью три слова в минуту и обижаются, если с ними не соглашаются. Они, обычно долго живут, потому что толстокожие и еще потому, что уверены, что ведут правильную жизнь, что мир без них рухнет. Домой после работы они уходят с чувством исполненного на сегодняшний день долга, и дома весьма солидно сношаются с женами. Они считают себя мудрецами.

Хрен их знает, зачем они...

Обещание

...Давным-давно был у меня знакомый парень – тихий и очень стеснительный в то время мальчик (нам тогда, нашей дикой компании, в которой один он представлял удивительное и приятное исключение было лет по двадцать два – двадцать три, и он среди нас на самом деле был единственным девственником, я не случайно назвал его мальчиком), который постоянно, странным образом участвовал во всех наших пирушках, не прикасаясь к спиртному и утверждая, что одно только присутствие на подобных возлияниях доставляет ему несказанное удовольствие. Как-то, уже все пьяные, мы пообещали привести ему женщину. Он тихо зарделся, задумался, и когда наше опьянение дошло до кондиции, стал вдруг приставать с расспросами.

– Толстая или худая?

Вскоре никто не мог понять, о чем он спрашивает. И это его очень огорчало.

Комплимент

Один мой знакомый ни о ком не любил хорошо отзываться. Говоря о моих книгах, например, он все пыхтел, кряхтел, тужился, чтобы прямо не похвалить, и в конце концов, разродился:

– Так талантливо, что я даже не ожидал, – все-таки ухитрился он сказать внутри комплимента гнусность замедленного действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.